

Н. Н. Федосеенков

**Дискуссии о праве и политическая
реальность советского государства:
от слома системы
к «освоению классического наследия»**

Система права и ее радикальные преобразования в первой половине XX в. выразительно демонстрируют тенденции государственной и общественной жизни, что позволяет ближе взглянуть на те перемены, которые определяли основу исторических процессов в России и в СССР от Гражданской войны до разгара «индустриализации, коллективизации и культурной революции», когда одной из основных задач было, по мысли большевика, в то время профессора правового отделения МГУ А. Г. Гойхбарга, стирание «границ между правом гражданским, частным и публичным... чтобы обуздать произвол, даваемый частной собственностью, чтобы ввести этот произвол в разумные, не выходящие за пределы поставленной цели, а потому и допустимые с точки зрения нашего правопорядка рамки»¹.

Исследование истории преобразований и эволюции системы правосудия, затрагивающее теоретические споры и противоречивую практику первых послереволюционных десятилетий, существенно дополняет наши представления о той переломной эпохе, дает возможность переосмыслить суть и последствия многих решений и фактов. И потому здесь необходим широкий исторический контекст, сопоставление общественных течений, которые повлияли на эту важную сферу политической жизни — в соответствии с принципами, кото-

рых придерживался В. О. Ключевский, считавший, что «исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны»². Это напрямую касается изучения эволюции отношения к праву, которое неотделимо от представлений о роли государства и гражданина, а значит — и от политической, а также повседневной жизни.

Первая четверть XX в. была в России временем радикального разрушения старых порядков. Вместе с тем имеет смысл проанализировать и те тенденции, связанные с традициями XVIII — начала XX в., которые оказались жизнеспособными и актуальными в новом — советском — контексте. Это касается и некоторых направлений классической юридической мысли, и элементов государственной практики, а также ярких пластов оппозиционной мысли, так называемой «революционной традиции».

К 1917 г. Россия подошла с развитой судебной системой, которая включала и образовательную составляющую. Судебная реформа, утвержденная в 1864 г., была одной из самых успешных в истории отечественных преобразований времен императора Александра II. Но идеализировать тогдашнюю ситуацию можно, только если рассматривать судебную систему изолированно от общественных движений, от экономических перекосов и политических процессов, которые привели к революционному слою исторического пространства и сложившегося уклада. В западноевропейском понимании юридические традиции в самодержавной России были слишком слабы и противоречивы, а «право представляло собой не выражение сознания и традиции народа, как в других странах Европы, а произвольное творение самодержавного властителя, привилегию буржуазии. Этот властитель был поставлен над законом. Юристы являлись скорее слугами царя и государства, чем слугами народа, им не хватало общего профессионального духа»³. Тезис спорный, но он дает представление о противоречиях, которые имели место в политической системе и в обществе.

Идеология Российской империи в XVIII и в начале XIX в. базировалась на ценностях европейского Просвещения, вместе с которыми среди образованных людей насаждалась вера в справедливость Фемиды, в необходимость равенства граждан (подданных) перед законом, в верховенство права во всех сферах жизни. На открытии Императорского Царскосельского лицея преподаватель нравственных, политических и юридических наук А. П. Куницын провозглашал: «Приуготовляясь быть хранителями законов, научитесь прежде сами почитать оные, ибо закон, нарушаемый блюстителем оного, не имеет святости в глазах народа»⁴. В этом видели основу основ для воспитания будущей просвещенной государственной элиты. Такие представления о правовой гармонии как основе «общественного блага» стали, в известном смысле, «светской религией». Не случайно А. С. Пушкин с благодарностью писал о своем учителе Куницыне: «Он создал нас, он воспитал наш пламень». Столь возвышенное отношение к роли права во многом сохранялось в университетской среде до 1917 г.

Все очевиднее становился конфликт между идейными установками и реальностью, между тенденциями разных эпох, сохранявших влияние в российской реальности. Чем выше общественные ожидания, тем болезненнее разочарования. На этом фоне закономерным стало укрепление позиций правового нигилизма, который традиционно объясняли (и в известной степени оправдывали) социально-политическими перекосами русской жизни. Здесь показательно рассуждение А. И. Герцена: «Полное неравенство перед судом убило в нем (в русском человеке. — *Н. Ф.*) в самом зародыше всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»⁵. Герцен (и мы попытаемся это доказать) абсолютизирует лишь одну из тенденций того и позднейшего времени, он выражает мнение непримиримой оппозиции своего времени. Но недооценивать эту точку зрения нельзя, как нельзя недооценивать и ее влияние на общественное мнение. Обвинение сложившейся в 1860-х гг. судебной системы в атаклизмах неравенства станет оправданием революционного слома этой системы в 1917 г. и ранее — в теоретических штудиях, характерных для революционной среды. И здесь снова практика совпала с отдаленными от нее по времени идеями Герцена, который в слабости правовой системы видел перспективы для революционных изменений в России, которые он считал необходимыми: «В России за государством видимым нет государства невидимого, которое было бы апофеозом, преображением существующего порядка вещей, нет того недостижимого идеала, который никогда не совпадает с действительностью, хоть и всегда обещает стать ею. Ничего нет за этими заборами, где нас держит в осаде сила, превосходящая нашу. Вопрос о возможности революции в России сводится к вопросу о материальной силе. Вот почему, не считая иных причин, помимо упомянутых нами, эта страна становится почвой, наилучшим образом подготовленной для социального возрождения»⁶. Таким образом, предтеча российской социал-демократии считал, что отсталость крестьянской России по части распространения системы права дает некоторые преимущества для развертывания революционных преобразований.

Противник индивидуализма в европейском духе, А. И. Герцен, по мнению современного исследователя, был убежден, что «будущее социалистическое общество вырастет на основе и из духа русской общины»⁷. Герцен считал самым перспективным направлением для России развитие традиционного народного правосознания, которое несколько идеализировал. Он писал: «Есть факт, несомненный для всякого, кто близко познакомится с русским народом. Крестьяне редко обманывают друг друга; между ними господствует почти неограниченное доверие, они не знают контрактов и письменных условий. Вопросы о размежевании полос по необходимости бывают очень сложны при беспрестанных разделах земель по числу тягол; между тем дело обходится без жалоб и процессов. Помещики и правительство жадно ищут случая для вмешательства; но этот случай не представляется. Мелкие несогласия повергаются на суд старикам

или миру, и их решение беспрекословно принимается всеми»⁸. Такие представления А. И. Герцена оказали заметное влияние на несколько поколений участников революционного движения в России.

Огромный резонанс в предреволюционные десятилетия получила политическая философия Л. Н. Толстого, который стал, пожалуй, наиболее влиятельным критиком государства и права с этических позиций, во многом противоположных герценовским и оппозиционным по отношению к официальной идеологии. В 1909 г. Л. Н. Толстой опубликовал «Письмо студенту о праве», которое привлекло широкое общественное внимание, в том числе и в профессиональной юридической среде. «Письмо...» составлено в ответ на послание некоего студента, который попросил Толстого разъяснить его взгляды на право. Писатель представил концентрат собственных взглядов на эту тему, которые увлекли немало единомышленников. Это неудивительно, ведь писатель и мыслитель в то время был настоящим властителем духа, к каждому его слову — самому спорному — прислушивались. Пройдя сложную эволюцию отношения к праву, он включил юриспруденцию в число «лженаук» — наряду с богословием, философией, политической экономией. Отзвуки толстовского «антиюридизма» (в данном случае этот термин кажется точнее, нежели «правовой нигилизм») мы встречаем вплоть до нашего времени. Такова сила парадоксальной мысли Толстого, которого в то время воспринимали не только как писателя или публициста, но как учителя жизни, открывателя истины. Он стал последовательным критиком права и государства, утверждая, что «право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, посылать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают»⁹. Не менее категорично Толстой высказывался о гражданском и даже уголовном праве, подчеркивая неизбежно субъективную трактовку дел, как правило, нацеленную против личности и нравственности, которую он связывал с религиозным сознанием. Неприятие государства как такового в мировоззрении Л. Н. Толстого усиливалось с каждым десятилетием¹⁰.

Толстой рассуждал не голословно, он изучал право в университете (подчас с увлечением), а позже часто посещал судебные заседания и даже участвовал в работе судов. В его дневнике нетрудно найти такие записи: «Пошел на суд. Заведение для порчи народа. И очень испорчен. Расчесывают болячки — вот суд»¹¹. Конечно, это не первая попытка критики права в мировой практике. Но Толстой пошел гораздо дальше предшественников. Например, Ч. Диккенс также критиковал британскую правовую систему, но не решался (а возможно, и не намеревался) отрицать право и государство, подобно Толстому, объявившему эти феномены человеческими суевериями. Что же предлагал Л. Н. Толстой взамен государства, частной собственности и права? Вместо них он выстраивал некую моральную систему, никогда не существовавшую: «Все три

составляющие — последствия свойств человека: братство — это любовь. Только если мы будем любить друг друга, будет братство между людьми. Равенство — это смирение. Только если мы не будем превозноситься, а считать себя ниже всех, мы все будем равны. Свобода — это исполнение общего всем закона Бога. Только исполняя закон Бога, мы все, наверное, будем свободны»¹². Знаменательна готовность Л. Н. Толстого к кардинальным переменам, к уничтожению значительной части того, что существовало веками. В начале XX в. такая убежденность одного из властителей дум стала важным фактором подготовки к будущим переменам, более того, после Л. Н. Толстого было непросто отрицать необходимость радикальных изменений. Дискуссия, которая возникла вокруг Л. Н. Толстого и толстовства, стала важной ступенькой к кардинальным переменам 1905–1906 и 1917 гг.

Самую содержательную и эмоциональную (хотя исторически запоздалую) отповедь толстовской критике права дал И. А. Ильин в известной работе «О сопротивлении злу силою», написанной в 1925 г.: «Сентиментальный моралист не видит и не понимает, что право есть необходимый и священный атрибут человеческого духа, что каждое духовное состояние человека есть видоизменение права и правоты и что ограждать духовный расцвет человечества на земле невозможно вне принудительной общественной организации, вне закона, суда и меча. Здесь его личный духовный опыт молчит, а сострадательная душа впадает в гнев и “пророческое” негодование. И в результате этого его учение оказывается разновидностью правового, государственного и патриотического нигилизма»¹³. Обратим внимание на время написания этой острой отповеди толстовству — 1925 г. Казалось бы, далеко не пик влияния на умы публицистики Л. Н. Толстого. Но для Ильина-публициста и идеолога, убежденного оппонента социал-демократов, первостепенное значение имело отношение к писателю как к «зеркалу русской революции» (определение В. И. Ленина). Философ, по видимому, даже преувеличивал меру влияния толстовских идей на большевиков. Развенчание толстовства он считал политически актуальным, не замечая, как далеко большевики ушли от идей «писателя-идеалиста» к 1925 г. Главным объектом критики для И. А. Ильина была роль Л. Н. Толстого как предтечи революционного слома.

При этом необходимо иметь в виду, что «наивный идеализм» Л. Н. Толстого (определение И. А. Ильина) оказал существенное влияние на умы не только в России — прежде всего благодаря заостренному максимализму автора, который завоевал репутацию «пророка», будучи известнейшим писателем своего времени. А дискуссия по вопросу, кто из мыслителей оказался ближе к христианским идеалам, продолжается до нашего времени¹⁴.

«Право — по преимуществу социальная система, и притом единственная социально-дисциплинирующая система. Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне»¹⁵, — отмечал Б. А. Кистяковский

в фундаментальной работе, написанной в годы Первой мировой войны, непосредственно в преддверии революционных событий. Удивительно, что это сказано в те годы, когда в России работали такие крупнейшие правоведы, теоретики и практики, как П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский и др. Современный исследователь истории права утверждает: «В начале XX века русская научная юриспруденция переживала пору расцвета. На это указывало не только количество выходящих в России книг по праву и юридических периодических изданий, но и высокое качество научных трудов российских правоведов»¹⁶. Но самосознание современников, тех, кто участвовал в переменах начала XX в. и наблюдал за ними изнутри, было иным. Они не могли не видеть разрыв между «гимназическими» идеалами просвещенной монархии, которые в теории оставались почти неизменными с XVIII в., и сложившейся реальностью.

Это сказалось в идейной дискуссии предреволюционных десятилетий. По мнению современного исследователя, историка К. А. Соловьева, концепт законности плохо сочетался с принципами самодержавия, которые сдали позиции в 1905 г., но сохраняли влияние: «...с 1906 по 1917 год политическая система Российской империи находилась в состоянии “сборки”. Она постоянно менялась. Новые порядки наслаивались на старые... По той же причине в Основных законах перестали называть монарха “неограниченным”, но продолжали именовать “самодержавным”. Царь подчеркивал: все осталось словно бы как прежде, в то время как в действительности многое изменилось»¹⁷. Свое — скептическое — отношение к правовым приоритетам исповедовали социалисты, влияние которых росло в том числе и в среде студентов-юристов. В 1917 г. настало их время.

Время кардинальных перемен всегда трагично, ведь на этот период приходится хаотический слом привычных, сложившихся конструкций. Но именно в это время нередко рождаются обновленные формы, которые, не будучи оптимальными, заслуживают исследовательского внимания.

Революционные перемены (и это отразилось на февральском этапе Российской революции) изначально во многом связывались с торжеством права, с укреплением демократической процедуры, когда судьбу страны будет решать Учредительное собрание. Инициаторов первых событий 1917 г. не устраивали прежде всего законы, остальные факторы (военные неудачи, провалы в снабжении крупных городов и армии и т. п.) стали важным поводом для массового недовольства. Противоречия между этими настроениями оказались взрывоопасными. Можно только согласиться с выводом Ю. А. Петрова: «У российской интеллигенции начала XX века была розовая иллюзия относительно того, что революция спасет страну, что надо избавиться от монархии и тогда народ сможет жить свободно и счастливо. Однако реальный ход событий показал, что революционный путь приводит к громадным жертвам, насилию, взаимоистреблению, что путь этот тупиковый. И главный, может быть, урок прошлого заключается в том, чтобы в сегодняшней ситуации учесть все, что

происходило сто лет назад, и не допустить раскола современного российского общества, чреватого крушением страны»¹⁸. Здесь речь идет о многофакторном процессе, в котором отношение к праву, к справедливости, к судебной практике было одним из нескольких значимых направлений.

Перемены коснулись в первую очередь органов защиты правопорядка. Были ликвидированы Отдельный корпус жандармов, Департамент полиции, а вместо них было учреждено Главное управление по делам милиции. Также уже в марте 1917 г. при Министерстве юстиции учредили Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств (ЧСК). В ее работе принимали участие видные ученые, именитые адвокаты — такие как Н. С. Каринский и В. А. Жданов. Это был первый, но далеко не последний «чрезвычайный» следственный орган революционного времени, и широкое общественное внимание к его работе на первых порах неудивительно. В Зимнем дворце и Петропавловской крепости шли допросы царских управленцев и сановников. «Никогда еще история русского суда не знала процессов о носителях власти, столь высоко стоявших в иерархической лестнице, никогда суду не приходилось высказываться об уголовном значении целой системы управления»¹⁹, — утверждал председатель Комиссии Н. К. Муравьев. Несмотря на либеральный настрой участников этой следственной комиссии, несмотря на то что ее работа не привела к серьезным приговорам, этот орган можно считать предтечей «рабочих и крестьянских революционных трибуналов для борьбы против контрреволюционных сил», которые были созданы 22 ноября 1917 г. и действовали до конца 1922 г., сыграв одну из ключевых ролей не только в создании новой правовой системы, но и в формировании идеологии и стратегии советского государства.

Тогда, уже на следующем — октябрьском — этапе революционного процесса и подходы, и проблематика ЧСК представлялись не только атавистическими, но и «контрреволюционными», направленными на то, чтобы оградить «деятелей царизма от подлинно революционного суда»²⁰, задачей которого было укреплять новую политическую систему и, по словам В. И. Ленина, «бороться против эксплуататоров и обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»²¹.

В 1917 г., в особенности после октябрьских событий, отношение к праву резко поменялось. Оно перестало быть приоритетным для политической власти, а «нигилистические» тенденции, которые прежде были достаточно распространены, но не определяли магистрального развития государственной системы, заметно укрепились. Пик этих тенденций пришелся на первые годы после Октября. Это объяснимо для времени, когда основной задачей власти стал слом прежних порядков. Но и позже, когда перед советской властью встали новые задачи, требовавшие измененной, но отлаженной системы правосудия, «правовой нигилизм» долго не сдавал позиций. Его проявления мы замечаем

до середины 1930-х гг. — и в теоретических дискуссиях, и в практике работы институтов судебной и политической власти.

Отметим также, что значительная часть интеллигенции, принявшей активное участие и на февральском, и на октябрьском этапе Русской революции 1917 г., имела прямое отношение к юридическому сообществу. Таким образом, очевиден конфликт двух полярных точек зрения как на роль права, так и на его восприятие и перспективы в российском обществе. От самых радужных надежд до принципиального отрицания, из которого нередко вытекало отрицание государства и стремление к его отмиранию как к близкой перспективе. Этот конфликт надолго стал одним из ключевых для идейной борьбы 1920–1930-х гг., которая тесно связана и с исторической практикой тех лет. А именно — с возникновением новых институтов власти (в том числе судебной), нового отношения к праву, к гражданственности и к государству в целом. С одной стороны, трудно было отмахнуться от марксистской доктрины, которая в крайнем выражении сформулирована в «Манифесте Коммунистической партии»: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса»²². К этой формуле, как мы увидим, относились крайне серьезно, выстраивая не ее основе новые правовые институты. С другой стороны, очень скоро большевики сделали ставку не на упразднение, а на усиление государства, управление которым они взяли на себя. И их задачей стало создание нового, советского права, которое, как показала практика, не могло обойтись без исторического контекста, без многих наработок прошлых эпох, как и без старых кадров. Аналогичные процессы шли в то время и в других сферах жизни, подведомственных другим наркоматам. При этом советское право оставалось специфическим, во многом его принципиальные положения отличались как от отечественных, так и от зарубежных традиций — прежде всего из-за приоритетов классово-теоретической и российских интерпретаций марксизма.

Известно, что первые декреты большевиков после захвата власти не касались судебной системы. Это дало повод ряду исследователей утверждать, что «изначально большевики не предусматривали модернизацию юстиции»²³, а народный комиссариат юстиции не рассматривался как один из ключевых.

Действительно, первый декрет советской власти, посвященный судебной системе, был опубликован 7 декабря (24 ноября) 1917 г., а принят на заседании Совнаркома за два дня до этого. То есть почти через месяц после провозглашения советской власти. Отметим, что сообщение о разработке данного декрета появилось в газете «Правда» на 10 дней раньше. Можно ли считать эту паузу достаточно долгой? Вопрос, на который можно ответить, только проанализировав основные цели большевиков накануне октября 1917 г., главной из которых был пересмотр отношения к частной собственности, прежде всего на средства производства. Эта политика прослеживается во многих ранних декретах советской власти, и вряд ли она могла оказаться хотя бы частично успешной без кардинальной перекройки судебной системы и самого отношения к праву.

Поэтому декрет «О суде» на заседаниях Совнаркома обсуждался с первых дней после захвата власти и, по воспоминаниям активного участника этой дискуссии П. И. Стучки²⁴, не встретил единодушного одобрения. Детали тогдашних споров нам неизвестны, но сам факт напряженных прений и переносов решения этого вопроса говорит о том, что к преобразованиям судебной системы не относились как к чему-то второстепенному. В пользу противоположной гипотезы говорит тот факт, что до Октября в программе РСДРП радикальное переустройство судебной системы действительно не предполагалось. Но летом и осенью 1917 г. политическая ситуация в стране быстро менялась, и партия не успевала отразить новое положение в программных документах.

Декрет (и это стало одним из важнейших его последствий) легализовал революционные трибуналы, вызывавшие ассоциации с французским революционным опытом (во Франции аналогичный чрезвычайный судебный орган был создан летом 1792 г.). Трибуналы должны были рассматривать дела, связанные с «контрреволюцией», но это понятие включало широкий спектр деяний — от проявлений коррупции до терроризма. По разным причинам трибуналы нередко рассматривали и уголовные преступления. Председатель Верховного трибунала на протяжении всей его истории Н. В. Крыленко называл трибуналы органом самообороны революции, призванным бороться и с уголовной преступностью²⁵. Дела особой важности рассматривал революционный трибунал при ВЦИК РСФСР, в 1919 г. переименованный в Верховный революционный трибунал при ВЦИК.

Теоретические дискуссии — как первоначально казалось, самые далекие от реальности — быстро находили воплощение в реальности. Конечно, это были не точные воспроизведения теории на практике; многое расходилось с первоначальными положениями, но быстрые изменения, позволявшие экспериментировать, располагали к реализации (и — нередко — столь же быстрой отмене) теоретических положений. В положениях, посвященных революционным трибуналам, отразились (конечно, в измененном виде) еще предреволюционные теоретические наработки В. И. Ленина о классовой борьбе после победы пролетарской революции. Верховный революционный трибунал просуществовал сравнительно недолго, но разъяснительных дискуссий о его работе было немало и в годы существования трибунала, и после. Показателен взгляд А. Эстрина, который в 1922 г., во время упразднения Верховного трибунала, решительно выступал против объявления этого органа внесудебным. Эстрин признавал, что трибунал «в условиях революционной борьбы» не мог дать обвиняемым гарантий, сравнимых с тем, что предоставляли народные суды. Но трибунал выполнял свою главную роль — он обеспечивал укрепление власти большевиков (а следовательно, пролетариата) и стал важным фактором в классовой борьбе, а, по Эстрину, «элементарнейшим и совершенно бесспорным для каждого марксиста является положение, что всякий суд есть суд классовый, то есть орудие классовой борьбы в руках того класса, который стоит у власти»²⁶.

По судьбе и эволюции воззрений Н. В. Крыленко (он был, пожалуй, самым важным действующим лицом в истории революционных трибуналов) можно судить о требованиях, которые предъявлялись к первым советским обвинителям. Потомственный социалист, сын ссыльного, он окончил люблинскую классическую гимназию, учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, считается большевиком с 1904 г., активно участвовал в событиях 1905 г. Профессиональный революционер, Н. В. Крыленко проявил себя и как теоретик, пытавшийся критически осмыслить марксистское наследие²⁷. В 1914 г. экстерном окончил юридический факультет Харьковского университета. Не раз подвергался аресту, несколько лет провел в эмиграции. В 1916 г. был мобилизован в действующую армию. Активно участвовал в событиях октября 1917 г. и в организации Красной гвардии. Стал широко известен, когда его — прапорщика — назначили главнокомандующим Российской армией. Этот пост занимал четыре месяца, а с марта 1918 г. работал в Наркомате юстиции РСФСР. До этого времени юридической практики не имел. Н. В. Крыленко сочетал черты, необходимые для правовой деятельности на раннем этапе советского государства: был достаточно образован, в том числе по юридической части, работоспособен, пользовался доверием как революционер, считавший своей задачей разрушение буржуазных порядков. «Руководствуясь ленинскими положениями, Н. В. Крыленко вместе с П. И. Стучкой, Д. И. Курским работает над созданием единой советской судебной системы, основанной на строжайшем соблюдении принципа классового построения советского суда, классового содержания всей судебной практики»²⁸, — констатировала историк М. Н. Симонян в апологетической монографии об отце-революционере. Наряду с другими «старыми большевиками» он, независимо от занимаемых должностей, стал одним из организаторов советской юриспруденции. Любопытна и биография упомянутого первого советского генерального прокурора Д. И. Курского, который, в отличие от Н. В. Крыленко, мог похвастать не только дипломом, но и работой в московской адвокатуре еще в 1900-е гг. Но в остальном его судьба схожа с судьбой Крыленко: член РСДРП с 1904 г., участник событий 1905–1906 гг., не раз был арестован. Такие люди и попытались создать новую, революционную систему правосудия.

Особенности работы советских трибуналов — широкие полномочия, упрощенное судопроизводство, публичные судебные заседания. «Приговоры Революционных Трибуналов являются окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежат. Копия приговора вручается осужденным не позднее 24-х часов после вынесения приговора. В кассационном порядке приговоры могут быть обжалованы, кроме приговоров Верховного Трибунала при ВЦИК и приговоров Военных Трибуналов и Трибуналов, приравненных к ним, в том числе военно-железнодорожных»²⁹. То есть обжаловать решение трибунала было непросто, а Верховный трибунал пребывал на вершине пирамиды раннего советского правосудия, и его приговоры, как правило, незамедлительно

приводились в исполнение. «Верховный Трибунал имел право толкования законов и определения направлений карательной политики независимо от Наркомюста. Компетенция трибуналов была практически неограниченна. Они могли принимать к производству любые дела, в которых усматривались признаки опасности для РСФСР или порядков, в ней установленных»³⁰, — так определял Н. В. Крыленко полномочия этого чрезвычайного судебного органа. Вскоре систему дополнили Военно-революционный трибунал, Главный революционный железнодорожный трибунал, Военно-промышленный трибунал, которые, в теории, напрямую курировал наркомат юстиции, а на практике, как отмечал Н. В. Крыленко, — тот же Верховный трибунал до его упразднения: «Он был фактически независим от Наркомюста, поддерживал с ним только личную связь через своего председателя. Военные и военно-железнодорожные трибуналы являлись его органами и были ему подотчетны и подконтрольны. Наконец, тот же Верховный трибунал осуществлял надзор над внесудебными полномочиями ЧК»³¹.

Отметим, что эта иерархия чрезвычайных судебных инстанций, направленных на преследование политических противников советской власти, начала складываться до начала Гражданской войны, что, впрочем, логично вытекало из программы большевиков. Крайним и вместе с тем упрощенным выражением этой доктрины можно считать слова Г. Е. Зиновьева: «Революция есть кровь, огонь, есть железо, и хорошо, что настала эта эпоха, хорошо, что мы с оружием в руках и грудь с грудью боремся со своими врагами, хорошо, что не живем больше в этой гнилой атмосфере учредилок-удавилкок»³². Такая стратегия требовала карательных механизмов, и система трибуналов с формальной выборностью членов была наиболее легитимным вариантом.

В целом в 1918–1920 гг. система работала в чрезвычайном режиме, по существу — без законодательства. Шла напряженная борьба за власть. Эпиграфом к рассуждениям о первых годах советского правосудия можно было бы поставить крылатые слова Сергея Есенина из поэмы «Ленин»:

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.

Юристы, идеологи, политики в том время и вплоть до конца 1920-х гг. не раз повторяли: «Верховным мерилom является революционная целесообразность»³³.

Конфликт между законностью и революционной целесообразностью стал определяющей приметой общественной жизни на несколько послереволюционных лет. На V Всероссийском Съезде Советов в июле 1918 г., принимаемая первая Конституция РСФСР, В. И. Ленин предложил такую доктрину: «...плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или

исправляется»³⁴. Логично предположить, что Конституция 1918 г. стала специфическим документом, поскольку не претендовала на правовой универсализм в духе конституционных мечтаний XIX в. И не только потому, что в ее основе лежал классовый принцип и в статье 65-й были перечислены граждане, лишённые избирательных прав. Многие исследователи замечали, что ряд ключевых положений Конституции 1918 г. сформулирован туманно. Ее целью было немедленное закрепление нового политического режима на неопределённый, но, по мнению большинства авторов той Конституции, недолгий переходный период, когда не могло идти речи о верховенстве закона. П. В. Крашенинников, размышляя об уроках первой отечественной Конституции, отметил: «В нем (речь идет о Конституции как о первом правовом документе РСФСР. — Н. Ф.) не было и речи об оснащении Конституции системным законодательством, без которого любой документ такого рода остается пустой декларацией»³⁵. Характерно и такое высказывание В. И. Ленина: «...революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами»³⁶. Эти слова воспринимались как директива, серьезной оппозиции таким принципам в системе власти в то время не было, а юристы, сотрудничавшие с советским государством, были вынуждены теоретически обосновывать такой подход. Но здесь следует напомнить, что период «диктатуры пролетариата» изначально предполагался временным, особым режимом.

Принцип целесообразности касался не только политических дел: любое уголовное, даже бытовое преступление в сложившейся неопределённой ситуации могло трактоваться как контрреволюция. В то же время этот принцип нельзя абсолютизировать, воспринимать как некую константу советского права — даже в понимании 1918–1919 гг. Чрезвычайный период «революционной диктатуры пролетариата» не предполагался как длительный, после чего прогнозировались и намечались принципиальные изменения. И у В. И. Ленина в более позднее время можно найти директивы, в которых речь идет уже о «незыблемости закона», утверждения, что «законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»³⁷.

Рефлексии, связанные с осмыслением понятия законности в новых условиях, мы находим во многих резонансных художественных произведениях того времени, написанных в том числе сторонниками советской власти — такими как А. И. Тарасов-Родионов, выпускник Казанского университета, активный участник революционных событий 1917 г. Позже он работал следователем в Верховном революционном трибунале. Показательна его повесть «Шоколад», опубликованная в 1922 г. и ставящая вопросы законности террора и этической чистоты чекиста. Тарасов-Родионов показывает службу на страже революционной законности «как морально тяжелое и жестокое дело, которое накладывает

роковой отпечаток на характер и судьбу человека, порождает его духовную драму». Подспудно в повести ставится вопрос о необходимости закона, который встанет выше революционной целесообразности и других субъективных ценностей. Предполагалось, что в будущем революционная сознательность станет питательной средой для создания новых — универсальных — законов, в идеале соответствующих принципам воспитания коммунистического человека. Надо признать, что революционная идеология оказалась не монолитной и способной к изменениям. Соответственно, и правовая система сначала приспособлялась к реальности нэпа, а с начала 1930-х — к усилению позиций государства.

Целесообразность определялась, как правило, с помощью таких субъективных инструментов, как классовое чутье. Скептики предупреждали, что выстраивать устойчивую и долговременную конструкцию на столь зыбкой почве не представляется возможным — и, как мы увидим, практика доказала правоту этого предположения. Продолжая слом пережитков прежнего права, система тянулась к более стабильным ориентирам, чем те, что работали в 1917–1920 гг. Как следствие, сразу после завершения Гражданской войны политическая система, которая сумела себя защитить, занялась систематизацией права. Создавались политические институты с обоснованной (как показала практика) претензией на устойчивость. Б. Н. Земцов, проанализировав зарубежные источники, отметил: «Парадоксально, но даже западные правоведы признают, что в Советском Союзе строгое соблюдение принципа социалистической законности, поддержание правопорядка являлось абсолютными императивами, что уважение к праву носило более категорический характер, чем в буржуазных странах и что имелись гарантии для того, чтобы принцип социалистической законности (за исключением периода сталинизма) воплощался в жизнь»³⁸. Здесь речь идет о системе, сложившейся в середине 1930-х. Но началом этого противоречивого процесса можно считать судебную реформу, стартовавшую в ноябре 1922 г., когда ВЦИК принял «Положение о судеустройстве РСФСР»³⁹. Трибуналы (кроме специализированных) упразднились, создавалась единая трехзвенная система судебных органов: народные суды, губернские суды, Верховный суд Республики. Реформа, с одной стороны, ликвидировала «трибунальное правосудие», т. е. чрезвычайные органы, наделенные особыми функциями и правами, с другой — упорядочила и на практике усилила партийно-государственный контроль над судами в условиях одновременно нэпа и однопартийности. В основу попытки создать новую систему правосудия лег все тот же принцип «революционной целесообразности» — с опорой на большинство трудящихся, в соответствии с классовой теорией. Иначе это воспринималось бы как капитуляция, отступление от стратегических целей революции. Идеологи того времени утверждали, что «революционный класс приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в соответствии с новыми условиями жизни, несет новую судебскую совесть, новые представления о добре и зле»⁴⁰. Очень точное понятие — «предчувствие».

Уничтожая прежнюю систему правосудия, которая, по твердому убеждению большевиков, служила эксплуататорским классам, устроители нового государства, по крайней мере декларативно, надеялись на широкое участие масс в новых органах правосудия, поскольку «суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению»⁴¹. В этом видели внутреннюю легитимность создававшейся системы, и председатель Совнаркома настойчиво упоминал об этом, определяя «очередные задачи советской власти».

Идеологи заговорили о «революционном праве», пытаясь дать ему внятное теоретическое обрамление в широком историческом контексте, с опорой на марксистскую доктрину и с прицелом на актуальность в течение долгого времени, а не только кратковременного революционного слома. Но это понятие с трудом поддавалось определениям и имело гораздо большее отношение к политике, чем к правовой практике, хотя сказывалось на ней. Несколько монографий посвятил этой теме Н. В. Крыленко — один из основоположников советской юстиции, попытавшийся не только на эмоциональном уровне разъяснить, чем буржуазное право отличается от той реальности, которая складывается в Советском Союзе, почему оно несовместимо с «социалистическим строительством», с зарождающимся советским укладом жизни. Наиболее интересен труд, который Крыленко издал в 1934 г., когда можно было применить методы исторического анализа, анализируя путь, пройденный советским государством за неполные 17 лет, в том числе за 10 лет после смерти В. И. Ленина, на труды которого автор часто ссылается. Крыленко признавал, что в первые послереволюционные годы «сопротивление бывших эксплуататорских классов требовало максимального напряжения революционной энергии, заставляло направлять эту энергию в первый период большею частью не на созидательную, а на разрушительную работу. Это, конечно, не способствовало мирному строительству»⁴². Это был важный риторический маневр, оправдывавший многие перегибы не только времен Гражданской войны, но начала 1920-х и объяснявший переход от революционной законности к другим ценностям, в которых более важную роль играла стабильность системы правосудия и в теории, и на практике. Кроме того, Крыленко воспринимал юридическую сферу только в широком контексте — политическом и экономическом. Крыленко (во многом вопреки своим же прежним представлениям) объявляет предрассудком (т. е. вредным явлением) представления о неправомерном характере революционной реальности. Но отношение к закону и норме меняется в зависимости от того, на каком этапе развития находится революционное государство. Сначала следовало уничтожить «органы угнетения народа», но потом неизбежен переход к «строительству социализма и переходу к руководству непролетарскими слоями населения»⁴³.

Показательно, что Крыленко не раз варьировал свои публичные представления о развитии советского права. Это касалось и самых фундаментальных принципов, связанных с идеологией. В этом смысле его можно считать характерной

фигурой, за спиной которой — опыт первых советских управленцев. В его метаморфозах можно проследить важную для первого десятилетия истории советского государства тенденцию: постепенный переход от атаки на государство, которое, в соответствии с положениями Ленина, воспринимали как «машину для поддержания господства одного класса над другим»⁴⁴ до представлений о новом, социалистическом государстве, которое на практике оказалось более централизованным, нежели Российская империя, хотя и построенным на других принципах.

Таким образом, несколько лет основной задачей государства и его правовой системы было упразднение дореволюционной практики. Но с переходом к основательному государственному строительству понадобился пересмотр такого отношения; и в дореволюционном, и в классическом мировом наследии стали искать образцы для подражания — разумеется, в редуцированном, сильно измененном виде. Подобные процессы с разной степенью активности происходили во всех областях гуманитарной мысли. Один из ярких примеров этого «освоения классического наследия» — обращение к речам русских адвокатов дореволюционной пореформенной поры. С 1930-х гг. их стали упоминать, цитировать. Реалии, с которыми связаны их выступления, сильно отличались от советских, они, как правило, были связаны с сословным укладом, с частной собственностью, часто имели отношение к деловому миру (купечеству) и революционному подполью. Но риторическое мастерство, высокий уровень критического мышления этих мастеров стали эталонными для советских адвокатов, судей и прокуроров. При этом подчеркивалось (как правило, с преувеличениями) критическое отношение к самодержавию таких правоведов, представителей либеральной мысли, как П. А. Александров, В. Д. Спасович, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако. Речи советских признанных юристов воспринимались как продолжение и развитие этого наследия на новом, более высоком политическом уровне. Событием стало издание в 1956 г. фундаментального сборника «Судебные речи известных русских юристов», составленного Е. М. Ворожейкиным под редакцией М. М. Выдри⁴⁵. Канонизация (конечно, избирательная) юридического наследия пореформенной России стала результатом перехода от противоречивых революционных преобразований к укреплению государства, которое потребовало и более широких идеологических опор, не только узкомарксистских. Это сказалось и на правовой культуре, и на повседневной жизни граждан. Но «внедрение классического наследия» проходило драматически, не только с дискуссиями, но и со взаимными обвинениями оппонентов, многие из которых не избежали репрессий. Эта тема требует отдельного рассмотрения.

¹ Гойхбарг А. Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 52.

² Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 1. С. 34.

- ³ Рене Д. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М., 1988. С. 157–158.
- ⁴ Наставления воспитанникам, читанные Александром Куницыным, адъюнкт-профессором нравственных наук // Речи, произнесенные при открытии императорского Царско-сельского лицея в присутствии е. и. в. и августейшей фамилии. Октября 19 дня 1811. СПб., 1811. С. 13.
- ⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 251.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Исаев И. А. Умом Россию не понять?.. // История государства и права. 2009. № 16. С. 18.
- ⁸ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 66.
- ⁹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 38. М., 1936. С. 55.
- ¹⁰ Суждения Л. Н. Толстого о государстве аргументированно оспорил современный исследователь В. А. Томсинов в статье «Размышления по поводу “Письма студенту о праве” Льва Николаевича Толстого»: «Лев Толстой имел все основания считать государство злом. Но он почему-то не принял во внимание, что государство — зло особенное. Оно — зло НЕОБХОДИМОЕ, НЕИЗБЕЖНОЕ. Без государства людская жизнь не только не становится счастливой, но превращается в настоящее бедствие» (http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v_a-razmyshlenija_po_povodu_pisma_student.pdf).
- ¹¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1978–1985. Т. 17. С. 336.
- ¹² Там же. Т. 22. С. 231–232.
- ¹³ Ильин И. А. Основы христианской культуры. М., 2011. С. 78.
- ¹⁴ См., например: Троицкий К. Е. Сопrotивление злу силою Ивана Ильина как «духовный имморализм» // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 154–165.
- ¹⁵ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 616.
- ¹⁶ Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: в 3 т. М., 2015. Т. 1. С. 10.
- ¹⁷ Соловьев К. А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. М., 2019. С. 224–225.
- ¹⁸ Петров Ю. А. Великая Российская революция 1917 года: уроки истории // Научные труды Вольного экономического общества России. М., 2017. С. 189.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 82.
- ²⁰ Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Вып. 118. С. 97.
- ²¹ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 36. С. 137.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 443.
- ²³ Верещагина А. В. Декрет №1 о суде: история подготовки и его содержание.
- ²⁴ Стучка П. И. Пять лет революции права // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 2.
- ²⁵ Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР. М., 1924. С. 2.
- ²⁶ Эстрин А. Единая судебная система и марксистская теория права // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 29–30. С. 5, 6.
- ²⁷ См. брошюру, изданную Н. В. Крыленко под псевдонимом А. Брам: Брам А. В поисках ортодоксии. СПб., 1909.
- ²⁸ Симомян М. Н. Его профессия — революция. Документальный очерк о жизни и деятельности Н. В. Крыленко. М., 1985. С. 106.
- ²⁹ СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.
- ³⁰ Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР. М., 1924. С. 144–145.
- ³¹ Там же. С. 145.
- ³² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.
- ³³ Архивов К. А. Закон в советском государстве. М., 1926. С. 45.
- ³⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. С. 504.

- ³⁵ Крашенинников П. В. О верховенстве закона в Конституции 1918 года речи не шло // Российская газета. 2018. № 147.
- ³⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. С. 245.
- ³⁷ Там же. Т. 45. С. 198.
- ³⁸ Земцов Б. Н. «Правовой нигилизм» большевиков // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4 (50). С. 30.
- ³⁹ См.: Положения о судеустройстве РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69.
- ⁴⁰ Луначарский А. В. Революция и суд // Материалы НКЮ. М., 1918. № 2. С. 12.
- ⁴¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. С. 197.
- ⁴² Крыленко Н. В. Ленин и Сталин о революционной законности. М., 1934.
- ⁴³ Там же. С. 19.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 39. С. 73.
- ⁴⁵ Судебные речи известных русских юристов: сборник. М., 1956.

REFERENCES

- ARKHIPOV K. A. The Law in the Soviet State [In Russ.]. Moscow, 1926.
- BONDARENKO A. V. *Judicial system of the RSFSR in the conditions of NEP* [In Russ.] // Actual Problems of Russian Law. 2009. No. 1.
- DRYZHAKOVA E. N. Alexander Herzen in the West: in the Labyrinth of Hope, Glory and Renunciations [In Russ.]. Moscow, 1999.
- ESTRIN A. *Single judicial system and Marxist theory of law* [In Russ.] // Weekly of Soviet Justice. 1922. No. 29–30.
- GOIKHBARG A. G. Fundamentals of Private Property Law [In Russ.]. Moscow, 1924.
- ILYIN I. A. Fundamentals of Christian Culture [In Russ.]. Moscow, 2011.
- KRYLENKO N. V. Lenin and Stalin on Revolutionary Legality [In Russ.]. Moscow, 1934.
- KRYLENKO N. V. The Judicial System of the RSFSR [In Russ.]. Moscow, 1924.
- KURSKY D. I. Selected Articles and Speeches [In Russ.]. Moscow, 1958.
- PETROV Yu. A. *The Great Russian Revolution of 1917: Lessons of History* [In Russ.] // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. Moscow, 2017.
- PORTNOV V. P., SLAVIN M. M. The formation of justice in Soviet Russia [In Russ.]. Moscow, 1990.
- RENE D. The main legal systems of our time [In Russ.]. Moscow, 1988.
- SIMONYAN M. N. His profession is revolution. Documentary essay on the life and work of N. V. Krylenko [In Russ.]. Moscow, 1985.
- SOLOVIEV K. A. Autocracy and the Constitution: Political Everyday Life in Russia in 1906–1917 [In Russ.]. Moscow, 2019.
- SOLOVIEV K. A. Liberal opposition in Russia at the beginning of the 20th century [In Russ.]. Moscow, 2021.
- STUCHKA P. I. Selected works on the Marxist-Leninist theory of law [In Russ.]. Moscow, 1964.
- TOLSTOY L. N. Complete Works: in 90 vols. [In Russ.]. Moscow, 1936. Vol. 38.
- TOMSINOV V. A. Russian jurists of the 18th–20th centuries: essays on the life and creativity: in 2 vols. [In Russ.]. Moscow, 2015.
- TOMSINOV V. A. *Andrey Yanuarievich Vyshinsky (1883–1954), statesman and legal scholar* [In Russ.]. *Zakonodatelstvo*. 2017. No. 8–12; 2018. No. 1–12; 2019. No. 1–12; 2020. No. 1–12; 2021. No. 1–12; 2022. No. 1–12; 2023. No. 1–4.
- ZEMTSOV B. N. Methodology of the historical analysis of public systems [In Russ.]. Moscow, 1993.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. Н. Федосеенков. Дискуссии о праве и политическая реальность советского государства: от слома системы к «освоению классического наследия» // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 64–81

Аннотация: В истории революционных перемен слом старой системы права часто рассматривается в отрыве от широкого исторического контекста. Автор анализирует идейные истоки, а также социально-политические последствия этих процессов, заявляет проблему метаморфозы советской системы в 1930-х гг. в связи с дискуссией о буржуазном и революционном, советском праве.

Ключевые слова: Просвещение, судебная реформа, Русская революция, правовые системы, В. И. Ленин, Н. В. Крыленко, Л. Н. Толстой, Верховный революционный трибунал, чрезвычайное правосудие, народовластие, Гражданская война, РСДРП(б).

FOR CITATION

N. N. Fedoseenkov. Legal debates and the Soviet state political reality. From scrapping the system to “mastering the classical heritage” // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 64–81

Abstract. In the history of revolutionary changes, an old legal system collapse is often considered out of the broad historical context. The author analyzes the ideological origins, as well as the social and political consequences of these processes, states the problem of the Soviet system metamorphosis in the 1930s in connection with the discussion of bourgeois and revolutionary baselines and the Soviet law.

Key words: Enlightenment, judicial reform, Russian Revolution, legal systems, V. I. Lenin, N. V. Krylenko, L. N. Tolstoy, Supreme Revolutionary Tribunal, emergency justice, democracy, Civil War, Russian Social Democratic Labour Party (RSDLP(b)).

Автор: **Федосеенков, Николай Николаевич** — директор ФГБУ «Издательство “Наука”», член Российского исторического общества.

Author: **Fedoseenkov, Nikolay Nikolaevich** — Director, Nauka Publishers, member of the Russian Historical Society.

E-mail: e.uskova@naukapublishers.ru